

Элеонора Лассан

Вильнюсский университет

Muitinės 8, 3000 Kaunas, Литва

Tel.: (370 – 2) 771112

E-mail: Eleonora.Lassan@slf.vu.lt

МЕТАФОРЫ КАК ГЛУБИННЫЙ ПРЕДИКАТ ТЕКСТА ПРИ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИИ

В статье рассматривается модель текстопорождения, предложенная автором в книге «Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ»¹ по отношению к политическому тексту.

На этот раз возможности модели, точнее, её способность объяснить генерирование многих текстовых явлений, демонстрируются на художественном, публицистическом и песенном текстах. По мнению автора статьи, базовая метафора работает так же, как предикат в структуре предложения. Она составляет второй уровень текстопорождения и надстраивается над первым уровнем – оппозицией идей-фреймов, существующих в сознании автора текста и одновременно составляющих первый уровень текстопорождения. Как и в фонологии, оппозиции фреймов могут носить привативный, градуальный и эквиолентный характер. Соответственно типу оппозиции метафора как глубинный предикат по-разному способствует утверждению авторитетной ценности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Модель порождения текста, уровни текстопорождения, тексты – примитивы, фреймы, сценарии, оппозиции (привативные, градуальные, эквиолентные), ролевая грамматика, актантная рамка предиката.*

Как известно, в самых разных гипотезах порождения речи уникальное место отводится предикату, который рассматривается исследователями как вход в описание любой ситуации, задающей своей семантикой *сценарий*, который затем разыгрывается в высказывании². Как разыгрывание сценария можно рассматривать и актантные ролевые рамки глаголов у Филлмора и Чейфа, где глаголы распределяют роли между участниками ситуации (агенса, пациенса, инструмента и т. д.). Отметим, что в большинстве моделей ПР (порождение речи) рассматривается внешнее оформление мысли, а не рождение содержательного наполнения того, что составляет знаковый отрезок между сменой речевых субъектов.

Автор данной статьи, говоря о метафоре как о глубинном предикате текста, имеет в виду некоторую модель порождения *содержательного* наполнения текста и шире – дискурса, если понимать под последним текст или корпус текстов, анализируемых с апелляцией к стоящему за ними сознанию.

Рассмотрим вначале модель порождения общественно-политических дискурсов. Эта модель в самом общем виде выглядит так: порождение текста проходит три этапа. Обратимся к первому этапу. 1. Если сознание

¹ ЛАССАН, Э. Р. *Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ*. Вильнюс, 1995.

² АППОЛОНСКАЯ, Т. А.; ГЛЕЙМАН, Е. В.; МАНОЛИ, И. З. *Порождающие и распознающие механизмы функциональной грамматики*. Кишинев, 1987, с. 27 – 29.

жестко идеологизировано, то оно содержит оппозицию *авторитетной* ценности, которую следует утверждать, и *чуждой*, негативной ценности, которую следует устранить. Любое значимое явление в обществе, построенном на идеологическом фундаменте, активизирует в сознании языковой личности, разделяющей эту идеологию, сеть таких ценностных оппозиций: например, социальная справедливость – несправедливость, индивидуализм – альтруизм. В наиболее чистом виде эта система может быть продемонстрирована на примере советской идеологии, где любое явление оценивалось с позиций того, насколько оно: 1) служит делу коммунизма; 2) способствует развитию патриотизма; 3) проникнуто духом коллективизма. Соответственно, система ценностей была представлена тремя основными оппозициями: 1) коммунизм – антикоммунизм; 2) патриотизм – антипатриотизм; 3) коллективизм – индивидуализм. С когнитивной точки зрения оппозиции идей представляют собой *фреймы* – структуры знаний о называемой сущности. Фреймы включают в себя и прагматический оператор, т. е. эмоционально-оценочное отношение к объекту знания. Языковым коррелятом такого фрейма является, напр., антонимическая пара слов: коммунизм – антикоммунизм. Итак, первый этап текстопорождения – активизация в сознании определенного фрейма, происходящая потому, что требуется отреагировать на какой-то стимул-явление из мира действительности.

Своеобразие предлагаемой модели заключается в том, что первый этап текстопорождения рассматривается и как первый уровень существования текста – *первичный текст-примитив*, в терминологии авторов монографии «Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи»³; т. е. результат первичного неразвернутого кодирования, вербализация целостности.

Представим, что у носителя определенной идеи активизировалась в результате восприятия некоторого явления оппозиция индивидуализм – альтруизм, и перейдем ко второму этапу порождения текста. Второй этап текстопорождения – развертывание фрейма в текст через посредство *сценария* – процедуральных знаний, реализующих деятельность субъекта. В идеологизированном тексте это должен быть сценарий поведения по утверждению одной ценности и устранению другой. Чтобы перевести абстрактную сущность – идею – в наглядно-чувственный образ, нужно найти метафору, которая уподобляла бы недостаточно ясную область бытия хорошо известной: метафора строится так, что она подсказывает через какое-то ключевое слово модель поведения субъекта в мире, где существуют противопоставленные ценности. Поскольку речь идет об основополагающих ценностных сущностях для языковой личности, то метафоры, связанные с этими ценностями, можно считать концептуальными, отражающими способ видения мира.

Обратимся вновь к наиболее описанной в этом плане советской идеологии. Не останавливаясь на процедуре выделения концептуальных метафор (она совпадает с предложенной Дж. Лакоффом), отметим, что оппозиция коммунизм – антикоммунизм развивалась в текст через метафору мир – фронт борьбы между коммунизмом и антикоммунизмом, патриотизм – антипатриотизм – через метафору Родина – мать, а

³ Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. Москва, 1991, с. 225.

коллективизм – индивидуализм – через метафору единица–ноль, единство–сила. Регулирование деятельности сознанием, в котором существуют такие метафоры, осуществляется через цепь следствий: так, метафора фронта имеет следствия, побуждающие уничтожать врагов, быть бдительным, избобляча шпионов, добиваться победы и верить в неё, презирать перебежчиков и т. д. Вербализация всех этих следствий и составляет наполнение текста.

Представим себе, что в сознании членов общества существует оппозиция индивидуализм–альтруизм, которая при активизации соответствующим стимулом разворачивается в текст через посредство метафоры: индивидуализм–болезнь человечества. Метафора задаёт содержание будущего текста: здесь будет говориться о «больных», т. е. индивидуалистах, симптомах «болезни», способах её распространения, размерах бедствия, возможном исходе, мерах борьбы – «лекарствах» от индивидуализма. Приведу пример аллегорического изображения этой болезни из хорошо знакомого всем текста: «... Ему грезилося ..., будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной моровой язвы... Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей... Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими, но никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные... Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга... не могли согласиться, что считать добром, а что злом». Я привела отрывок из заключительной части «Преступления и наказания» – произведения, в сущности построенного на основе сценария, который выражен названной метафорой. Больной – Раскольников (он действительно чувствует себя больным, испытывая лихорадку, бред, озноб), врач – Соня, лекарство – чтение Евангелия, страдание, способы распространения – статья, распространяющая идеи, философия гедонизма, размеры – зараженные (Лужин, Свидригайлов), исход – «воскресение». Несколько раз повторяющееся в заключительной главе это слово возбуждает представление о предшествующей воскресению смерти.

Таким образом, в сценарии–метафоре практически заданы основные «действующие лица» и сюжетные перипетии будущего развернутого текста. Сама метафора – это, если использовать типологию текстов по степени их развернутости, – вторичный текст-примитив, т. е. компрессированный вариант развернутого текста.

Третий этап порождения текста – собственно текстообразование. Концептуальные метафоры, как было показано, задают участников будущего действия, т. е., подобно предикату в глубинной структуре предложения, определяют набор ролей для действующих лиц. В художественном тексте эти роли могут быть конкретно не названы (нигде не говорится, что Соня – «врач», хотя она исцеляет Раскольникова), но действующие лица ведут себя в соответствии с «ролью».

В собственно политическом дискурсе участники действия получают соответствующие метафоре номинации: мир – фронт борьбы... приписывает оппонентам роли врагов, предателей, изменников, шпионов. Эти номинации – опоры дальнейшего текстообразования: обусловленные

метафорой номинации стимулируют соответствующие фреймы, (например, фрейм «враг»), вербализуемые при разворачивании текста. Эти фреймы определённым образом структурируются. В работе В. П. Акимовой и др.⁴ показано, что так называемый каузальный фрейм включает в себя пять слотов:

1) субъект, его характеристика	—	враг, подлый
2) цели, ценности субъекта	—	нанести удар в спину
3) обстоятельства, характеристика	—	в идеологических битвах
4) действия, характеристика	—	поставил пушку и стреляет по своим
5) результат действия		вызвать законный гнев советского народа (примеры приводятся из материалов анти-пастернаковской кампании 1958 года)

Авторы указанной работы⁵ чётко показали пути вербализации того или иного фрейма. Предлагаемая же в статье модель объясняет причины появления самого фрейма в сознании говорящего, точнее, процесс порождения текста, строящегося на вербализации фреймов, стимулированных базовыми метафорами сознания и являющихся одновременно и вторым уровнем существования текста. Кроме того, предлагаемая модель ПР позволяет определить связь текстов-примитивов в иерархии уровней текстов вообще. Авторы идеи о текстах-примитивах высказали в своё время сожаление по поводу того, что последние не находят достойного места в иерархии уровней языка, поскольку «до сих пор анализ текстов строился от формы, а для выделения текстов-примитивов как особой лингвистической единицы требуется анализ от содержания, так как именно на основе содержательной общности тексты-примитивы вступают в парадигматические отношения с более развернутыми текстами»⁶. Предложенная автором модель позволяет показать, как происходит переход от первичного текста-примитива (оппозиции фреймов-идей, обозначаемых антонимической парой слов) ко вторичному тексту-примитиву (сценарию действия, обозначенному предикативной по форме базовой метафорой), а затем и к самому тексту, являющемуся в целом «разворачиванием» задаваемых метафорой ролей и вербализацией следствий из нее. Действием базовой метафоры объясняется, естественно, и метафорика текста (об этом так много сказано Дж. Лакоффом и М. Гордоном, что повторение было бы трюизмом). Хотелось бы указать на то, что ставшая общим местом когнитивной лингвистики идея концептуальных метафор, определяющих понятийную систему, тем не менее недостаточно используется при анализе политических дискурсов. Я имею в виду то, что концептуальная метафора может служить индикатором общности сознаний, стоящих за разными

⁴ АКИМОВ, В. П.; БАРАНОВ, А. Н.; СЕРГЕЕВ, В. М. Компьютерная модель текучего сознания в системе Авгур. In *Исследования по когнитивным аспектам языка*. Тарту, 1990.

⁵ АКИМОВ и др., сноска 4.

⁶ Человеческий фактор в языке, сноска 3, с. 222.

текстами, которые, на первый взгляд, могут принадлежать представителям разных направлений мысли и отстоять друг от друга во времени.

Если языковая личность советской эпохи, мыслящая в терминах власти, скорее всего осознавала оппозиции ценностей, лежащие в основе её идеологии (идеология внедрялась как эксплицитно выраженная система ценностей, как наука – научный коммунизм), то языковая личность постсоветской эпохи может не осознавать себя носителем оппозитивной системы ценностей, противопоставляющих по разным признакам Россию и Запад. Но то, что метафора военного противостояния двух традиционно противопоставляемых лагерей существует в сознании современной языковой личности, становясь стержнем развёртывания текста, явствует хотя бы из текста с таким названием: «Северный полюс – центр будущих схваток России и НАТО» («Новые известия», 2001 № 137). Начинается текст со следующей фразы: «На норвежско-российской границе полным ходом идёт разоружение». Однако далее: «...вместо сухопутных сражений можно ожидать морских схваток во льдах в районе Шпицбергена». Сама номинализованная конструкция схватка, как показал Адамец⁷ может иметь значение фактографическое (реальная модальность): схватка произойдёт) и идеографическое (любая модальность, т. е. и гипотетическая: схватка может произойти). Очевидно, что в названии утверждается реальность схватки – в такую модальность облакать высказывание может лишь тот, кому дана способность ясновидения, при отсутствии оной высказывание должно носить характер прогнозирующего речевого акта и иметь гипотетическую модальность. Почему всё-таки происходит подмена одной модальности другой, и мир предстаёт ареной неизбежных военных схваток? Очевидно, потому, что прочно укоренившаяся в сознании автора текста метафора войны обуславливает видение любых конфликтов (в данном случае конфликтов интересов в области использования рыбных, газовых, нефтяных ресурсов), неизбежно переходящих в военное сражение: «Доводы норвежских экспертов о будущих сражениях во льдах подкрепляют российские специалисты», – пишет автор. Персонажами текста являются силы НАТО, вице-адмиралы, «российская сторона ведёт в этом районе ежегодно разведку боем» и проигрывает «бои местного значения». Заканчивается текст следующим пассажем: «Можно сказать, что вскоре корабли норвежской береговой охраны встретят российские траулеры, идущие в спорную точку в сопровождении кораблей Северного флота». Не хотелось бы моделировать интенции автора данного текста и общий эффект, производимый им на среднего читателя, но в целом думается, что сознание, порождающее подобные тексты, уместно обозначить как параноидальное, где любое событие, понижающее статус субъекта, мыслится как ЧП, требующее постоянной бдительности и готовности. Для такого типа сознания, всё время живущего в ожидании опасности, реализовавшаяся угроза становится свидетельством правоты его жизненной позиции – и в этом случае концовка текста, обещающая именно подтверждение предсказаний, вполне сопоставима с финальной частью текстов предыдущей эпохи, содержащей выражение уверенности в победе над буквальным или метафорическим противником. В данном тексте нет победителей,

⁷ АДАМЕЦ, П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. *Филологические науки*, 1973, № 4.

победитель – сознание, утверждающее военное противостояние как единственно возможное состояние мира. Весь же проанализированный текст может быть сведён к конденсированному смыслу, передаваемому текстом-примитивом «Северный полюс – фронт борьбы между Россией и Норвегией», являющимся модификацией метафоры **мир – фронт борьбы...**, где валентность субъектов борьбы заполняется применительно к ситуации.

Отвлечемся от политических текстов и обратимся к действию метафоры как глубинного предиката в дискурсах, явно не относящихся к жестко идеологизированным, т. е. последовательно проводящим идею превосходства одной идеи над другой. Итак, тексты группы «Аквариум». Её лидер Борис Гребенщиков в различных интервью неоднократно акцентировал мысль о том, что его миссия – быть передаточным звеном между рок-культурой Запада и советской песенной культурой: «Нужно понимать, что ты просто передаточное звено, и через тебя идёт ток. Но ты при этом только провод, а не «источник». Приверженность Б.Г. к рок-культуре позволяет говорить о наличии в сознании автора текстов группы «Аквариум» оппозиции **рок-культура Запада – русская песенная культура**, но оппозиция эта, как явствует из интервью Б. Г., где он, отдавая дань мастерству советских эстрадных композиторов 60 – 70 гг., тем не менее полагает необходимым «быть послем рок-н-ролла», носит не привативный, а градуальный характер: рок-культура обладает для Гребенщикова большей привлекательностью, нежели эстрадная песня.

Фрейм *посол* и фрейм *провод* имеют общую часть: то, что соединяет две стороны. Метафора соединяющего средства, или провода, не просто доминирует в текстах Б. Г., но является регулятором его творчества как процесса, объясняя единство, казалось бы, разрозненных текстов⁸. Согласно метафоре *провода* сценарий, на основе которого могут строиться тексты, предполагает наличие четырех ролей: соединяемых сторон (источник – получатель), средства соединения (провода) и объекта передачи (тока). Роль источника тока исполняет рок-культура, ток – конкретные явления этой культуры, провод – сам певец, потребитель тока – аудитория, страна проживания. В творчестве Б. Г. акцентируется роль тока – отсюда цитирование текстов рок-певцов (Боба Диллана, Джима Моррисона), оформление альбомов в духе Битлз, названия альбомов, совпадающих с названиями альбомов известных рок-групп (Decemblers children – группы “The Rolling-Stones” и «Дети декабря» группы «Аквариум»), упоминание названий рок-групп: «А здесь тишина, иконы битлов; Другой же играет порой на баяне Сантану и Weather Report. Примечательно, что Б.Г., цитируя, часто указывает имя автора цитируемых строк: «Ты можешь спросить себя: «Где новый красивый дом»? Ты можешь цитировать Брайана Ино с Дэвидом Бирном».

Метафора *провода* рождает тексты, описывающие и сам этот провод и потребителя тока: «Я устал быть послем рок-н-ролла в неритмичной стране»; «Ты строишь мост ради всех, кто строит стены... и кладешь, как камни, сердце. Как светел твой мост, знаю лишь я, и те, кто строит мосты». Фрейм *мост* и фрейм *провод* имеют общую инвариантную часть: средство соединения. Таким образом, различие метафоры, концептуализирующей мир

⁸ Эта идея и ее разработка принадлежит студенту-филологу Вильнюсского университета Нерияусу Мажейке.

и место **Я** в мире, в творчестве Б. Г. проявляется двояко: 1) в проникновении чужого слова в текст, будь то цитаты, имена, перифразы, фотографии альбомов; 2) в текстах, описывающих ситуацию посредничества (сюда относятся и мета-тексты интервью).

Продолжая темы базовой, или концептуальной, метафоры как глубинного предиката текста, нельзя не напомнить того обстоятельства, что традиционно (МакКормак, Польшин, Арбиб и др.) базовая метафора рассматривается не как элемент текстопорождения, а как фундаментальное допущение, лежащее в основе той или иной теории: научной, богословской, метафизической. К таким фундаментальным допущениям могут быть отнесены метафоры **мир – поле деятельности Бога** или **мозг – это компьютер**, или **язык – инструмент общения** и т. д. МакКормак делит метафоры на базисные и передающие⁹. Различие между ними заключено в сфере действия и функции. Базисные метафоры служат для объяснения человеческого мышления в целом, и от их истинности зависит верность последующих гипотез и исследований. Передающие метафоры предлагают «метафорическое прозрение ограниченного масштаба» (там же). Приведём в качестве примера передающих метафор знаменитое пастернаковское «заря из сада обдавала окна кровавыми слезами сентября» – здесь поэтическое прозрение состоит в уподоблении осенней природы определенному состоянию человека. Сам термин «передающие метафоры» наталкивает на мысль о стоящей за ними базовой метафоре (**природа – живое существо**), чье содержание до нас доносят передающие.

Думается, что метафоры как механизмы текстопорождения можно разделить по другому признаку: на организующие целый текст и организующие отдельные его фрагменты. Назовём первые базисными, в силу того что они регулярно организуют дискурс как отдельной личности, так и целых направлений мысли (их примеры приводились выше), а вторые – фрагментарными и приведём примеры последних.

«Умная критическая статья – это как бы своего рода березовый веник для человека, который любит ходить париться в баню: он парится и веничком себя похлопывает, а если сам себе не хочет этого делать, то сделает ему другой. А париться с веничком – дело неплохое, потому что открываются поры и тело начинает лучше дышать, жить становится легче» (Хрушев. III съезд писателей, 22 мая 1989). «Страна напоминает сейчас дом, переживающий тяжелое похмелье, дом, в котором пропили, растеряли почти все – границы, порты, ресурсы... Вот тогда приходит женщина и наводит в доме порядок» (Из интервью Элли Панфиловой АиФ 2000 № 12). Отличие вторых от первых заключается не только в том, что они организуют незначительные фрагменты текста, но и в том, что: 1) они не задают номинаций, регулярно встречающихся в текстах и становящихся наименованиями «ролей», на которые назначаются переменные величины X, Y и т. д.; 2) не обладают богатством следствий, которые могут быть вербализованы в текстах (много ли следствий вытекает из метафоры *критика – березовый веник*?).

Вместе с тем передающие метафоры могут стать базовыми, или текстобразующими, при условии их регулярной воспроизводимости в

⁹ МАККОРМАК. Когнитивная теория метафоры. In *Теория метафоры*. Москва, 1990, с. 372.

определённом корпусе текстов. Но к этому способны лишь те метафоры, которые вырастают над определённой оппозицией. – «надстраивающаяся» метафора в таком случае указывает модель поведения по отношению к одной из ценностей. Так, женское движение, стремящееся стать политической силой, могло бы строить пропагандистские тексты, опираясь на эквиополентную оппозицию мужчина – женщина, каждый член которой обладает совокупностью собственных непротивопоставленных свойств. Вырастающая над этой оппозицией метафора женщина – хозяйка дома могла бы акцентировать роль мужчины как члена семьи, выполняющего физическую работу, и женщины как хранительницы очага, поддерживающей порядок в доме. И коль скоро физическая работа (переустройство общества) осуществлена, наступает время наводить порядок (призыв к благоустройству), создавать атмосферу любви в семье (т. е. обходиться без применения физической силы при решении спорных государственных вопросов), и уют (т. е. чувство защищенности) и т. д. Таким образом, вербализуя следствия из названной метафоры, можно создавать «женский» пропагандистский дискурс.

Думается, что тот, кто озабочен созданием национальной идеи, должен думать об удачной метафоре, богатой следствиями, которые и могли бы быть вербализованы во множестве текстов. Следует только помнить, что метафора, вырастающая из привативной бинарной оппозиции ценностей, побуждает к уничтожению ценности, которая представляется носителям определённого типа сознания негативной. Если эта метафора будет произрастать из бинарной привативной ценностной оппозиции мы – они, то она родит тексты, полные ненависти к своим оппонентам.

Eleonora Lissan

Vilnius University

Muitinës 8, 3000 Kaunas, Lithuania

Tel.: (370 – 2) 771112

E-mail: Eleonora.Lissan@flf.vu.lt

METAPHORS AS A DEEP TEXT PREDICATE IN TEXT PRODUCTION

Summary

The article aims at the investigation of the text-generation model offered by the author in her Book *Discourse of Power and Dissident Thinking in the USSR: Cognitive-Rhetorical Analysis* (1995) with respect to political texts.

In the given case the possibilities of the model, or to be more precise, its capacity to explain the generation of various textual phenomena, are revealed in fictive, publicistic, and song texts. As the author claims, here the basic metaphor operates in the same way as the predicate does in the sentence structure. It is regarded as the second level of text-generation and is structured above the first level, i. e. the opposition of ideas-frames prevailing in the consciousness of the text creator. As in the case of phonology, the frame opposition may demonstrate the private, gradual, and equipollent character. According to the type of opposition, the metaphor as a deep predicate multifariously contributes to the assertion of authoritative values.

KEY WORDS: model of text production, levels of text production, texts-primitive, frames, opposition (private, gradual, equipollent), case – grammar, actant frame of the predicate.

Gauta 2001 11 19

Spaudai įteikta 2002 03 29